

Посткоммунистическая эпоха

Считается, что после распада советского блока и Советского Союза и после краха коммунистических режимов в этих странах наступила посткоммунистическая эпоха в истории челове-

чества. Это мнение выглядит несколько комично в том смысле, что на самом Западе еще не было никакой коммунистической эпохи. Впрочем, коммунистической можно посчитать эпоху, когда на Западе тряслись в страхе перед мировым коммунизмом, и освобождение от этого страха можно объявить эпохой посткоммунистической.

Но пусть наступившая эпоха называется посткоммунистической. Дело в конце концов не в названии. Важно, какими чертами характеризуется эта эпоха. Я здесь хочу сказать о некоторых ее чертах, которые, как правило, игнорируются или интерпретируются в определенном идеологическом духе, а именно в антикоммунистическом, что так же далеко от истины, как и прежняя коммунистическая пропаганда. Следует различать коммунизм как особую идеологию (идеологический коммунизм) и коммунизм как особую организацию общества (реальный коммунизм). В идеологическом коммунизме надо, в свою очередь, различать то, какой вид он приобрел в марксизме и под его влиянием, и то, какой вид он имел и имеет независимо от марксизма.

Идеологический коммунизм возник задолго до марксизма. Родоначальники его — Томас Мор (1478—1535) и Томмазо Кампанелла (1568—1639). Можно констатировать упадок и даже крах марксизма. Но это не означает конец коммунистической идеологии вообще.

Часть идей коммунистов присвоили всякого рода рабочие, народные, социалистические и т.п. партии, массовые движения (вроде «зеленых» и «альтернативных»), профсоюзы и даже религиозные секты (например, в США). Коммунистические идеи «растворились» в идейном болоте современности. Они не исчезли совсем и не исчезнут до тех пор, пока существуют порождающие их причины, а именно негативные явления капитализма. Они суть идеи антикапиталистические.

Крах коммунистической идеологии в ее марксистском варианте был обусловлен комплексом причин большого исторического масштаба. Главные из этих причин следующие. Превращение марксизма в государственную идеологию Советского Союза и других коммунистических стран резко снизило его

интеллектуальный уровень, сделало его объектом ненависти и насмешек, привело к отрыву его от реальности и к превращению в насильно навязываемую апологетику реального коммунизма. Негативные явления практики реального коммунизма в том виде, в каком он существовал в Советском Союзе и других странах, стали объектом внимания грандиозной антикоммунистической пропаганды на Западе и со стороны Запада, надолго отбив охоту к коммунизму во всем мире. Капитализм не сошел со сцены истории, как предрекал Маркс, а укрепился и на данном отрезке истории как будто бы выигрывал соревнование с коммунизмом. А пролетариат, в котором марксисты видели могильщика капитализма, сократился численно (относительно других социальных категорий), стал играть роль второстепенную, переродился и перестал быть опорой и носителем коммунистических идей.

Поражение коммунистического мира в «холодной войне» надолго (если не навсегда) похоронило возможность и даже идею социалистической революции в марксистском духе, то есть как революции пролетарской, в результате которой должны быть уничтожены капитализм и частная собственность вообще и установлена диктатура пролетариата. Категорически исключать возможность установления в странах Запада некапиталистического («социалистического») социального строя нельзя. Но если это и произойдет, то скорее всего путем разгрома Запада внешними силами или путем решений власть имущих сверху. Но такая вероятность ничтожно мала пока. В этом смысле можно согласиться с теми теоретиками, которые утверждают, что наступила постреволюционная эпоха.

Обычно в проповедях посткоммунистической эпохи фигурируют такие два аргумента: негативный опыт реального коммунизма и отсутствие в западных странах достаточно мощного слоя, заинтересованного в смене социального строя. К этим аргументам я бы добавил еще такие три. Во-первых, на Западе научились предотвращать опасные массовые движения, а также манипулировать ими так, что попытки повторить коммунистические движения недавнего прошлого априори обречены на провал. Во-вторых, чтобы организовать любое устойчи-

вое массовое движение, необходимы средства, причем немалые. Кто-то должен финансировать эти движения. Кто? Раньше коммунистические страны могли поддерживать коммунистические партии Запада и других стран. Теперь нет ни коммунистических стран, способных на такие траты, ни коммунистических партий, готовых бороться за свержение капитализма. И в-третьих, Запад сам перехватил инициативу коммунистов в отношении преобразования общества. Идеи конвергенции социальных систем (коммунизма и капитализма) изобрели не коммунисты, а западные идеологи. Они при этом опирались на очевидные факты эволюции Запада в «восточном направлении».

В сложившихся условиях коммунистическая идеология в ее марксистско-ленинской форме не имеет шансов на массовый успех и на действенную силу в странах Запада и в бывших коммунистических. А родится ли коммунистическая идеология такого масштаба, как марксистская, которая будет отвечать требованиям времени и интересам сильных социальных слоев, на этот вопрос сейчас вряд ли можно дать более или менее убедительный ответ.

Вся история реального коммунизма до сих пор преподносится в форме идеологической фальсификации (в ту или другую, противоположную сторону) и в системе предрассудков. Нет надобности говорить о том, какой вид учение о коммунистическом общественном устройстве имело в советской идеологии. Его презирали, причем заслуженно. На роль правдивого понимания претендовали критическая и разоблачительная литература и публицистика. Но и они не выходили за рамки идеологического способа мышления. За истину выдавался сам факт критичности. Чем больше чернилось все советское, тем истиннее это казалось или истолковывалось так умышленно.

На Западе положение было не лучше. Хотя сочинения западных авторов по форме выглядели более научнообразно, чем советских, по сути дела, они были еще дальше от истины, чем советские. Если советская идеология боялась обнаружения закономерности дефектов реального коммунизма, то западная идеология боялась признания достоинств его. С одной стороны, создавался апологетически ложный, а с другой — крити-

чески ложный образ коммунизма. Например, в советской идеологии утверждалось, будто советское общество построено в соответствии с гениальными предначертаниями «научного коммунизма» Маркса, Энгельса и Ленина. В западной идеологии утверждалось, будто в основе советского общества лежит вздорная утопия глупого Маркса и кровожадного Ленина. В советской идеологии утверждалось, будто коммунистические социальные отношения стали складываться только после социалистической революции. В западной идеологии утверждалось, будто эти отношения навязаны массам советского населения силой и обманом после революции. Такой параллелизм можно было видеть почти по всем важнейшим вопросам, касающимся понимания советского общества и реального коммунизма вообще.

Коммунистическое общество есть социальная организация большого числа людей в единое целое, а не просто высосанный из пальца политический режим. В Советском Союзе оно сложилось не по марксистскому проекту и не по воле марксистских идеологов, а в силу объективных социальных законов. Люди, строившие его, либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам и с большой натяжкой похоже на марксистский проект. Реальный коммунизм является не менее естественным социальным образованием, чем любое другое общественное устройство, включая западное.

Принято считать, будто все то, что произошло с Советским Союзом и странами советского блока в последнее десятилетие, доказало несостоятельность коммунистического социального строя (реального коммунизма) и преимущество строя капиталистического. Я считаю это мнение ложным. Поражение коммунистических стран обусловлено сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и недостатки коммунистического строя. Но это еще не есть доказательство нежизнеспособности и несостоятельности этого строя. Победа капиталистического Запада точно так же имеет комплекс причин, среди

которых сыграли роль и достоинства капитализма. Но это еще не есть доказательство преимуществ последнего.

Победа Запада над Советским Союзом и его союзниками не была победой капитализма над коммунизмом. «Холодная война» была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. Можно привести любое число примеров, которые при желании можно истолковать как доказательство преимуществ коммунизма перед капитализмом. Например: молниеносная индустриализация Советского Союза в тридцатые годы, реорганизация промышленности в ходе войны с Германией и победа над ней, необычайный подъем культуры и образования, гарантии основных жизненных потребностей (труд, образование, медицинское обслуживание и т.д.) и многое другое. Кстати сказать, на Западе в свое время именно перечисление достоинств советского социального строя породило тревогу, поскольку для многих народов мира это послужило заразительным примером.

Реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое с исторической точки зрения время, чтобы делать категорические выводы о его несостоятельности. К тому же оно жило в крайне неблагоприятных условиях. Чтобы сделать вывод о том, кто победил — капитализм или коммунизм, — нужно, чтобы противники были хотя бы примерно одинаковы во всем, кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад превосходил Советский Союз во всех отношениях, включая исторический опыт, накопленные богатства, человеческий материал и вообще человеческие ресурсы, экономическую мощь, уровень технологии и т.д. Поразительно не то, что Советский Союз в конце концов был разбит в «холодной войне» с Западом, а то, что он выстоял во Второй мировой войне и так долго держался в непосильной для населяющих его народов «холодной войне». И он еще мог бы выстоять, если бы высшее руководство страны не совершило беспрецедентное в истории человечества предательство.

Развитие событий в годы по окончании «холодной войны» показало, что понимание сущности исторического процесса в прошедший период как борьбы двух социальных систем — ка-

питализма и коммунизма — было поверхностным и в конечном счете ошибочным. За сущность процесса принимали его историческую форму. По сути дела, это была борьба Запада за господство на планете против врага, который стал препятствием на этом пути и сам заявил претензии на мировое лидерство. Коммунистическая система в Советском Союзе и других странах была не источником мирового столкновения, а лишь средством защититься от мировых претензий Запада. Коммунистические страны сами переходили к нападению. И на Западе их воспринимали не только как угрозу в военном отношении, но и как конкурентов в организации всех основных сторон жизни общества и в воздействии на прочее человечество. Коммунизм стал основным объектом атаки со стороны Запада потому, что сопротивляющийся ему и даже атакующий его мир принял коммунистическую форму. Этот мир мог сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Именно поэтому на коммунистической форме сосредоточилось внимание. К тому же борьба против коммунизма давала Западу оправдание во всем том, что он предпринимал на планете в эти годы. Поражение коммунистических стран в «холодной войне», распад их и крах коммунистических систем в них лишали Запад этого прикрытия его истинных намерений и идейно-психологического стимулятора.

Коммунистический мир в лице Советского Союза и его спутников потерпел жестокое историческое поражение. Но это еще не означает, что с коммунизмом покончено навсегда. Еще жив коммунистический Китай. Западу еще потребуются титанические усилия для того, чтобы сделать с ним нечто аналогичное тому, что было сделано с Югославией, странами Восточной Европы и Советским Союзом. Да и в бывших коммунистических странах история еще не сказала свое последнее слово.

Началась посткоммунистическая эпоха с эйфории по поводу краха советского блока, Советского Союза и коммунистических режимов в этих странах. Началась повсеместно, не только на Западе, где этот момент готовили и страстно ожидали чуть ли не полвека, но и в самих коммунистических странах, жители

которых завидовали распропагандированному изобилию на Западе и восторгались от вида того, как их страны превращаются в барахолки западного тряпья и арену для поощряемого Западом разврата. Теперь эта эйфория окончилась. В бывших коммунистических странах наступили не успокоение и уверенность в лучшем будущем, как ожидалось, а нечто противоположное — уныние, растерянность, страх еще худшего будущего. Да и на Западе положение в этом отношении не лучше. И здесь ощущается пока еще смутная тревога по поводу того, что произошло нечто незапланированное и нежелательное. Исчез или по крайней мере пизведен до жалкого состояния феномен, выглядевший в сознании западных людей источником всех мировых зол и дававший западным людям основание думать, будто они живут чуть ли не в раю. Общий спад деловой активности, рост безработицы, удорожание жизни, рост налогов и другие неприятные явления невольно порождают подозрение, а не есть ли это плата за победу над коммунизмом. Если это на самом деле так, то стоила ли игра свеч?!

Хотя коммунизм потерпел жестокое поражение, суда истории над ним, какой стремились навязать человечеству, не получилось. Как бы ни пытались антикоммунисты отождествить коммунизм с национал-социализмом гитлеровской Германии, мир отнесся к этому без особого энтузиазма. Слишком уж грубой является тут фальсификация реальной истории. Показательна в этом отношении ситуация в Германии, где антикоммунистическая истерия раздувалась и до сих пор раздувается особенно усердно. Причем она подкрепляется расправами не только над одиозными личностями, но и над рядовыми гражданами, как-то причастными к прошлому режиму. Получился не суд добра над злом, а фарс в стиле времен нацизма. Этот фарс не смог заслонить тяжкие последствия процесса приобщения Восточной Германии к благам западной цивилизации, причем тяжкие последствия не только для восточных, но и для западных немцев.

Еще более показательна в этом отношении ситуация в России. Коммунистическая партия разгромлена. Критика всего того, что связано с коммунизмом и советским периодом русской истории, превзошла все известные образцы фальсификации предшествовавшего периода и брани по его адресу.

Важнейшим результатом поражения коммунистического мира является идея нового мирового порядка по западным образцам и под эгидой Запада. При этом начисто игнорируется тот факт, что западный социально-экономический и политический строй не является универсальным благом для всего человечества. Он дал хорошие результаты только для незначительной части человечества, а именно для народов западных стран. Для подавляющего большинства народов планеты он был и является чужеродным. Не являются на этот счет исключением и народы России. Здесь ко времени начала горбачевских и затем ельцинских реформ не созрело никаких предпосылок для экономического и социально-политического переустройства общества по западным образцам, то есть предпосылок для капитализма и демократии. Не созрела также потребность в таких преобразованиях в широких слоях населения, не созрели и слои населения, способные превратить эти преобразования в свой нормальный образ жизни. Идеи этих преобразований возникли в высшем руководстве страны, то есть в высшем слое партийного аппарата и идеологической элиты. Они возникли не как отражение внутренней эволюции советского общества, не снизу и не изнутри общества, а под влиянием и даже под давлением со стороны Запада, то есть сверху и извне. И осуществляться они стали как насильственные реформы сверху, как распоряжения начальства, чуждые природе и возможностям советского общества.

Положение тут сложилось прямо противоположное тому, какое имело место при становлении западного социально-политического строя. Западные буржуазные революции создали политические институты и закрепили законодательно те социально-экономические отношения, которые уже сложились в реальности. «Революция» 1985—1991 годов началась по инициативе верхушки коммунистической власти, которая использовала всю мощь государства, коммунистические методы управления и современные средства идеологического оболванивания масс, чтобы навязать свою волю привычно послушному обществу.

Результаты этой «революции» не замедлили сказаться. Российские власти потерпели банкротство во всех своих делах в

смысле созидания нового социального строя. Они преуспели лишь в разрушении того, что было создано усилиями многих поколений российских людей в необычайно трудных исторических условиях.

Рядовые граждане России сами почувствовали, что они, отказавшись от коммунизма, потеряли множество жизненных благ, а на пути «западнизации» приобрели лишь пороки капитализма и демократии. Они еще не осознали того, что оказались в исторической ловушке, причем добровольно. Они боятся признать себя в этом. Но рано или поздно придется это сделать.

После разгрома Советского Союза в «холодной войне» в мире наступило состояние, подобное тому, какое наступило в Европе после разгрома наполеоновской Франции, а именно состояние мировой реакции. В данном случае оно приняло форму злобного и мстительного антикоммунизма. Так что наступившую эпоху с большим основанием можно назвать антикоммунистической.

Весь период «холодной войны» прошел под лозунгом борьбы за права человека и демократические свободы. Одним из самых важных последствий крушения коммунистических «режимов» явилось то, что эти права и свободы потеряли прежнее значение. В чем тут дело? А в том, что в коммунистических странах был сравнительно высокий уровень жизни. Люди были сыты, имели работу. Их основные жизненные потребности были удовлетворены, причем с гарантиями. Считалось, что они не имели прав человека и демократических свобод, которые в западной пропаганде раздувались как наивысшие ценности человеческого бытия. Гражданам коммунистических стран казалось, будто они сохранят все те блага, какие имели, лишь присоединив к ним еще и блага западной демократии — права человека и демократические свободы. В результате краха коммунистической системы, однако, они прежде всего потеряли все то, что имели благодаря этой системе. Наступили разруха экономики, инфляция, развал системы образования и культуры, идейный хаос, моральная деградация, рост преступности и т. д. Главными проблемами стали проблемы выживания в этих чрезвычайно трудных условиях. Людям стало не до прав человека и

демократических свобод — эти блага демократии просто потеряли практический смысл.

И на Западе идеи прав человека и демократических свобод отошли куда-то на задний план. Как орудие идеологии и пропаганды они стали уже ни к чему. Начались стремительное ухудшение экономического положения, удорожание жизни, рост безработицы, рост налогов и т.д. Началось наступление власть имущих на социальные права людей. Началось сильное забастовочное движение. Средства массовой информации стали дружно замалчивать все то, что связано с нарушениями прав человека и демократических свобод. На этот идеологический товар резко упал спрос. Стало очевидно, что не эти непомерно раздувшиеся в недавнем прошлом элементы демократии суть самые фундаментальные факторы жизни многомиллионных масс людей, а гарантии удовлетворения минимальных жизненных потребностей — работа, образование, медицинское обслуживание, уверенность в будущем детей, обеспеченная старость, человеческие отношения между людьми, короче говоря, все то, что было в значительной мере привычным образом жизни в коммунистических странах.

Начавшуюся эпоху стали называть посткоммунистической. Но главным в той или иной эпохе является не то, с чем покончили, а то, что приобрели. С этой точки зрения наступившую эпоху с большим основанием можно назвать постдемократической.

Мюнхен, декабрь 1993 года. Политическая мысль. 1994. № 2